

М. П. Погодин

Простая речь о мудреных вещах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. П. Погодин**
Простая речь о мудреных вещах / М. П. Погодин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 482 с.

ISBN 978-5-458-00893-8

Простая речь о мудреных вещах.

ISBN 978-5-458-00893-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

духовныхъ предметахъ, приходившія мнѣ на умъ, — особенные случаи, встрѣчавшіеся со мною самимъ въ продолженіи жизни, и слышанные отъ другихъ, на кои имѣются строго-критическія доказательства.

Лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ зародилось во мнѣ желаніе огласить ихъ простою рѣчью, внѣ всякихъ школьныхъ правилъ, справокъ и предубѣжденій, какъ представлялись мнѣ эти вопросы среди чтеній, размышленій, наблюденій, опытовъ, или созрѣли внутренно, безъ непосредственнаго моего въ томъ участія.

Нѣсколько разъ, въ теченіи этого долгаго времени, при разныхъ случаяхъ, почему-бы то ни было меня поражавшихъ, вызывавшихъ на размышленіе, представлявшихся мнѣ какъ-бы знаменіями, порывался я къ перу, и принимался писать, но мысль внезапно останавливалась, я бывалъ недоволенъ своими приступами, не находилъ силъ справиться съ задачей, не могъ продолжать, и откладывалъ задуманную бесѣду до другаго времени.

Года три тому назадъ, разбирая въ своемъ «Русскомъ» возмутительный Петербургскій процессъ по дѣламъ печати, гдѣ поносилось между прочимъ за религіозныя вѣрованія, яко бы наслѣдованныя отъ Московскихъ просвиренъ, имя одного изъ моихъ покойныхъ друзей, Ивана Васильевича Кирѣевскаго, человѣка высоко-образованнаго и высоко-нравственнаго, я долженъ былъ коснуться нѣкоторыхъ мыслей этого рода, и помѣстилъ въ статьѣ выписки изъ моей тетради. Пересматривая ее тогда, я подумалъ, не лучше ли передать ее, какъ она есть, собрать написанныя начала или приступы, и всѣ разсѣяныя замѣтки и отрывки, указать нѣкоторые вопросы и недоумѣнія, кои для мыслящихъ могутъ быть замѣнены иныя положенія, приведя все только въ нѣкоторый наружный порядокъ по предметамъ, не заботясь ни о какой системѣ, ни о какой полнотѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Систематизировать потребовало бы много времени, которое у меня, 72-хъ почти лѣтъ, уже на исходѣ, — да и было бы мнѣ уже не подъ силу. Притомъ систематическихъ сочиненій много, и онѣ при

всѣхъ достоинствѣхъ имѣють свою невыгоду, оставаясь непривлекательными или недоступными для большинства, какъ для дѣтей бываютъ иногда учебныя книги. Нужды нѣтъ, что собраніе мое представить какую-то смѣсь съ недостатками всякаго рода, повтореніями, уклоненіями, вставками, отступленіями, съ одной стороны съ пробѣлами, а съ другой съ представленіями одной и той-же мысли въ разныхъ только видахъ и оборотахъ; нужды нѣтъ, что собраніе мое будетъ состоять изъ разноцвѣтныхъ и разношерстныхъ, такъ сказать, лоскутковъ, сшитыхъ на живую нитку. Дѣло не въ искусствѣ, не въ авторствѣ, не въ формѣ, а въ содержаніи: цѣль моя не стропть, не предлагать системы, а прозвести извѣстное впечатлѣніе, привлечь вниманіе, содѣйствовать душевному настроенію, возбудить большее уваженіе къ жизни, благоговѣніе предъ ея высокими задачами, удержатъ сколько нибудь отъ дерзкаго умничанья и легкомысленнаго отрицанія нашу несчастную молодежь.

Окончаніе Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига не оставило мнѣ тогда времени на приведеніе въ исполненіе этого плана.

Въ предпрошедшемъ году лекціи нашего почтеннаго богослова Н. А. Сергіевскаго возбудили во мнѣ желаніе прочесть съ кафедры простую рѣчь — и опять намѣреніе не состоялось за новою работою, которая потребовала всего моего времени.

Но вотъ я говорю теперь: надо отрѣшиться отъ злобы дня. Какое занятіе лучше, цѣлесообразнѣе, размышленія о высшихъ человѣческихъ вопросахъ, — и я вздумалъ посвятить все свободное время на приведеніе въ порядокъ моихъ отрывковъ и замѣтокъ. Дѣло пошло на этотъ разъ успѣшно. На страстной недѣлѣ я переписалъ, разумѣется, на черно, и кое гдѣ исправилъ старую тетрадь, — мнѣ вдругъ захотѣлось, не стлагая вдаль, приготовить ее къ изданію какъ можно скорѣе, что теперь и исполняю, занявшись ею на досугѣ въ Енисѣ.

1872 года. Сентября 2 дня,

Прежде всего я передамъ написанные мною въ разное время приступы или начала безъ концовъ, и укажу на случаи, которые производили во мнѣ особенное впечатлѣніе, и напоминали о задуманномъ дѣлѣ, — присоединяя по мѣстамъ новыя замѣчанія, которыя впадаютъ на умъ...

Случилось мнѣ однажды возвращаться домой поздно вечеромъ по пустынному Дѣвичьему полю. Полный мѣсяцъ катился прямо предъ моими глазами, пребываясь сквозь кучи легкихъ, тонкихъ, облаковъ! Вотъ онъ, кажется, падаетъ, сейчасъ упадетъ, сорвется... ну если.... въ забытьи становилось страшно.... Нѣтъ, онъ не сорвется, не упадетъ! Тысячи лѣтъ уже онъ совершаетъ свой путь по одной и той же линіи, не уклоняясь отъ нея ни на волосъ, — и всѣ эти мириады звѣздъ, которыхъ быстротечный свѣтъ достигаетъ до насъ, вѣкамъ несутся въ своихъ безграничныхъ пространствахъ, не мѣшая одна другой, не забѣгая ни на единую черту въ чужую орбиту. Кто-же указалъ имъ ихъ пути? Что держитъ ихъ на вѣсу? Гдѣ, въ чьихъ рукахъ, этотъ камертонъ, по которому онѣ движутся тысячелѣтія безъ малѣйшей ошибки, въ гармоніи, слышной для Платоновъ?

Міры держатся силою притяженія, — нашелъ славный Ньютонъ великую научную истину. А притяженіе то кто сообщилъ имъ? Да и что такое притяженіе, что въ немъ есть? Сила, духъ, идея?

А мы, муравьи, копышемся въ своихъ кучкахъ, топырится и мечтаемъ, что значимъ что-то въ этой безграничной вселенной.

Но мы въ самомъ дѣлѣ значимъ что-то въ сравненіи съ настоящими муравьями, какъ и муравьи — гиганты въ сравненіи съ инфузоріями (наливчатыми, микроскопическими животными, у которыхъ есть одинакожь свои сложные организмы). . . . .

Однажды, въ срединѣ Кавказа, передъ Сурамскимъ переваломъ, ночью, въ ожиданіи лошадей на станціи, среди тишины тишайшей, невозмутимой, я смотрѣлъ на синее великолѣпное небо, разстилавшееся необозримымъ шатромъ надъ моей головою. усыпанное яркими, сверкающими звѣздами. Мнѣ слышалось, что оно какъ будто *плло...* гармонія ощущалась въ душѣ, — и были для меня понятными слова боговдохновеннаго пророка, что небеса повѣдаютъ славу Божию. . . .

Сгорѣлъ огромный балаганъ на масляницѣ, передъ Зимнимъ дворцомъ; нѣсколько сотъ человѣкъ погибло, и могущественнѣйшій въ Европѣ Государь, со средствами столичной полиціи, съ силами всей гвардіи, на берегу рѣки, среди широкой площади, *не могъ* подать помощи ни одному несчастному, не могъ спасти ни одной жизни, и долженъ былъ слышать стоны людей, погибавшихъ въ страшныхъ мученіяхъ. Какъ это могло случиться?... Что значить сила человеческая?....

Вскорѣ послѣ этаго плачевнаго происшествія, на одной почти недѣлѣ сгорѣла биржа въ Лондонѣ, опера въ Парижѣ и Зимній дворецъ въ Петербургѣ. Три главные народа въ Европѣ лишились въ одно время своихъ славныхъ памятниковъ, на коихъ сосредоточиваются ихъ завѣтныя, задушевные чувства,—для Француза зрѣлища, для Англичанина деньги, для Русскаго царская идея. Отстроить дворецъ къ слѣдующему году, сказалъ Императоръ Николай Павловичъ:

Англичане скинулись по гинеѣ; Французы устроили заемъ.—и пожара какъ не бывало! Суетное, легкомысленное племя! Ты не видишь здѣсь страшныхъ знаній, ты не понимаешь этихъ горныхъ напоминаній — подумать о томъ, о чемъ ты думать отвыкло: такъ-ли ты живешь, какъ тебѣ жить надо? То ли дѣлаешь, что тебѣ дѣлать надо!...

Покушеніе на жизнь Государя 4-го Апрѣля въ Петербургѣ, внезапная кончина Наслѣдника, вырваннаго какъ будто изъ среды семейства въ глазахъ у всѣхъ окружающихъ, покушеніе Березовскаго на жизнь Государя въ Парижѣ, поразило меня сильно....

Удивительныя событія нашего времени столь же мало обращаютъ на себя вниманіе ослѣпленнаго поколѣнія:

Парижъ, городъ, который полторы тысячи лѣтъ возвеличивался постоянно, и сдѣлался дѣйствительно столицею міра,—гдѣ наука, искусство, промышленность, достигли высокой степени совершенства, гдѣ на всякомъ шагу поражали путешественника обиліе, богатство, роскошь, соединенные съ особеннымъ изяществомъ, утонченностью, любезностью,—городъ, которому всѣ страны свѣта спѣшили приносить свою дань, гдѣ можно было, кажется, найти птичье молоко,—этотъ Парижъ, въ одинъ мѣсяцъ очутился въ такой нуждѣ, что крысы и кошки были ему въ сласть! Неужели это не чудо?

И сама Франція, передовое могущественнѣйшее государство въ Европѣ,—улыбнется бывало Наполеонъ какому нибудь посланнику на поздравленія въ день Нового года, или взглянетъ косо на другаго, и во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ кабинетахъ поднимутся толки, конца не было догадкамъ, спорамъ, предположеніямъ!—Франція, считающая соровъмиліонокъ своего народа,—и какого народа? талантливаго, пылкаго, самолюбиваго въ высшей степени, на все способнаго, храбрѣйшаго,—поражена такъ въ два-три мѣсяца, что изъ перваго класса Испа-

даетъ на эту пору не во второй, не въ третій, а развѣ, говоря по нашему, въ четырнадцатый. Три арміи, по двѣсти тысячъ каждая, сдаются въ плѣнъ неприятелю, чего не случалось никогда во всеобщей исторіи. Треть всей страны разорена, опустошена, выжжена; тысячи народа безъ хлѣба, безъ пристанища, должны ходить по міру; всё дѣла остановился. Наконецъ въ крайности заключенъ миръ самый унижительный: богатая, преданная до самоотверженія провинція отнята; враги остались хозяйничать на неопредѣленное время; наложена страшная неслыханная контрибуція въ пять милліардовъ, которыхъ, говорятъ, во всей Европѣ мудрено собрать вдругъ наличными деньгами. Неужели это можно объяснить самонадѣянностью Наполеона, легкомысліемъ Граммоня, оплошностію Лебефа? Тѣ же люди были около Наполеона въ продолженіи 18 лѣтъ—и побѣждали и властвовали! Судьба ихъ была тѣсно связана съ его судьбою; какимъ образомъ могли они, не спросясь броду, сунуться въ воду, и поставить на карту свою будущность? На всѣхъ нашло затменіе! Въ томъ-то и дѣло, что на всѣхъ нашло затменіе! Не даромъ вѣдь говорятъ: кого хочетъ наказать Богъ, у того отнимаетъ умъ, *dementat*.—Казалось, испята была вся чаша горечи, которая можетъ достаться въ наказаніе государству, народу;—нѣтъ, это было только начало «болѣзнемъ». На днѣ чаши оставалась еще желчь, ядовитая желчь—и Французы, которые не имѣли силы бороться съ врагами, нашли силу воевать между собою, и вотъ три мѣсяца они дерутся не на животъ, а на смерть. Война объявлена не только настоящему порядку вещей, но и прошедшему, съ которымъ разрывается всякая связь, и всё историческіе памятники разрушаются съ какимъ-то остервененіемъ и вмѣстѣ съ наслажденіемъ. Тюльери сожжены до тла, Люксембургскій дворецъ въ развалинахъ, Лувра, съ его сокровищами, едва осталась третья часть. Вчера получено извѣстіе, что горятъ Ратуша, Префектура полиціи, Ломбардъ. О статуяхъ Генриха IV и Людовика XIV и говорить нечего. Наконецъ Вандомская колонна, гигантскій памятникъ всесвѣтныхъ побѣдъ, которыми такъ

любили хвалиться Французы, обложенная навозомъ, повалена усилиями механики, вдоль улицы Мира, rue de la Paix, — (какая страшная пронія!), — у героя, стоявшаго на высотѣ ея, въ порфирѣ и лавровомъ вѣнцѣ, отлетаетъ голова, и туловище раскалывается на двое при неистовыхъ рукоплесканіяхъ толпы. Кости его, изъ почетной гробницы Дома инвалидовъ, хотятъ бросить въ могилу подлаго, презрѣннаго убійцы. Какія поразительныя явленія, знаменія, и вмѣстѣ уроки для современниковъ, для всѣхъ, имѣющихъ очи видѣти и уши слышати!...

Когда вышла Штраусова книга о жизни Иисуса Христа, — прочитавъ первую главу, гдѣ авторъ, разбирая явленіе ангела въ алтарѣ Захаріи, отцу Іоанна Крестителя, прикладываетъ къ этому сказанію Шлецерову буквенную, щепетильную критику лѣтописныхъ сказаній: съ которой стороны явился ангелъ, могъ ли увидѣть его народъ, стоявшій внѣ алтаря и проч., я началъ было писать письмо: Вы не вѣрите чудесамъ, такъ зачѣмъ же вы принимаетесь разсуждать объ Евангельскихъ чудесахъ? Вы не признаете бытія ангеловъ, такъ зачѣмъ же толковать, съ какой стороны невозможный ангелъ могъ быть видѣнъ, или слышанъ народомъ?...

Вы не признаете чудесъ, но вы сами, человѣкъ, развѣ не чудо? Откуда вы взяли, какъ въ каплѣ сѣмени зародились вашъ умъ, совѣсть, воля? И вотъ вы написали книгу... Какъ происходили ваши мысли, какъ онѣ находили себѣ выраженія? . . . . .

Въ 1856 году, въ Гейльброннѣ я ѣздилъ нарочно къ Юстину Кернеру разспросить о явленіяхъ, разсказанныхъ имъ въ die Seherin von Prevorst, передать ему извѣстные мнѣ случаи, свидѣтельствующіе объ явленіяхъ и силахъ міра невидимаго, и послѣ начать ими рѣчь, но не нашелъ его дома: онъ отѣхалъ наканунѣ именно туда, откуда я выѣхалъ для его посѣщенія (въ Вильдбадъ, въ Вюртембергскомъ королевствѣ)... и намѣреніе мое не исполнилось.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, услышавъ мелькомъ объ образованіи въ Университетѣ между студентами общества для распространенія новѣйшихъ попытокъ материалистовъ, я началъ къ нимъ посланіе:

Пишу, не знаю къ кому, и лишь зная объ чемъ. До слуха моего, въ уединенной кельѣ, дошли извѣстія о какихъ-то отрицательныхъ сочиненіяхъ религіознаго и политическаго содержанія, кои ходятъ по рукамъ между студентами, переводятся ими, и сообщаются другъ отъ друга. Преданный Университету отъ всей души, любя студентовъ, къ которому принадлежалъ самъ, между которыми находится теперь мой сынъ, я рѣшился сказать нѣсколько словъ молодымъ друзьямъ, хотя и неизвѣстнымъ.

Въ послѣднее время судьба кинула меня на поприще вопросовъ общественныхъ: не обвинуясь говорилъ я искренно свое мнѣніе о современныхъ опасныхъ для насъ обстоятельствахъ, *не смотря ни на какія лица*; не обвинуясь скажу и теперь вамъ, что не менѣе опасно,—хоть и въ другомъ отношеніи—о взятомъ вами направленіи. Предметъ этотъ слишкомъ важенъ, но, къ сожалѣнію, онъ все еще не занимаетъ подобающаго ему мѣста въ системѣ государственнаго управленія. Принимая его къ сердцу, я боюсь, чтобъ другіе *освѣдомленные*, не разумѣя дѣла, не принялись говорить съ вами иначе, т. е. дѣйствовать по своему, и не принеслибъ вреда вмѣсто пользы, чтобъ не возрастили зла вмѣсто его искорененія.

Прежде всего я похваляю ваше стремленіе къ истинѣ: блаженны алчущіе правды, яко тѣ насытятся, сказалъ Тотъ, Кого надобы вамъ спрашивать и слушать чаще, читая Евангеліе. *)

Вашъ возрастъ самый опасный: умъ вступаетъ въ права свои, кровь кипитъ, сердце волнуется, страсти зарождаются, вопросы встрѣчаются

---

*) Большая часть отрицательныхъ сочиненій въ наше время, по всѣмъ отраслямъ науки, замѣчу здѣсь кстати, принадлежитъ, кажется, Евреямъ, въ которыхъ дѣйствуетъ какъ будто тайная, но вѣдомая имъ самимъ, роковая сила, влекущая ихъ въ борьбу съ Христіанствомъ и его началами.

на каждомъ шагѣ: какъ, почему, зачѣмъ, на что? Обыкновенные отвѣты неудовлетворительны, и вотъ для юныхъ искателей.

*Сомнѣнья тучей обложилось
Священной истины чело.*

Чистое сердце ваше оскорбляется ежедневными явленіями зла. Кажется все не такъ, все должно быть переиено, и какъ легко сдѣлать все это!

И вотъ являются можетъ быть благонамѣренныя, но ограниченныя учителя, руководители, или отчаянныя, не излѣчимыя мечтатели. Они общаются все, и давно уже общались все ихъ прародители, но разберите, что же исполнилось изъ ихъ обѣщаній?

Куда пришла Франція послѣ всѣхъ кровавыхъ опытовъ съ 1789 года? А сколько было тамъ умныхъ людей! Какіе таланты! Были истинныя гени по всѣмъ путямъ человѣческой жизни! Сколько книгъ написано, одна другой лучше, читаешь ихъ съ уваженіемъ, восторгомъ, и какіе же плоды?

Нынѣшніе эмигранты сулятъ, если отдать имъ въ руки управленіе, такую республику, отъ которой съ ужасомъ отворачиваются самыя либеральныя граждане, и хватаются за желѣзную руку Людовика Бонапарта, надѣясь въ ней найти опору.

Эти эмигранты имѣли власть въ своихъ рукахъ, что же они сдѣлали? Они могли говорить въ своей палатѣ все, что имъ было угодно, что же они сказали?

Еслибъ было у кого изъ нихъ слово-дѣло, ясное, простое, способное осчастливить гражданское общество, или по крайней мѣрѣ помочь добру и помѣшать злу, слово, оно заставило бы сердце биться у всякаго образованнаго мыслящаго человѣка на обонхъ полушаріяхъ, нашло бы вездѣ себѣ много друзей, явныхъ и тайныхъ, не менѣе сильныхъ, исполнителей; но нѣтъ, не было такого слова дѣла, да и нѣтъ его...

Не нашли его всѣ глубокомысленные философы Франкфуртскаго сейма, которые столько времени посвятили на разсужденіе объ основныхъ правахъ гражданина, Grundrechte.

Не сказали его ни Маццини, ни Герценъ.

Луи Бланъ съ работниками въ Луксембургѣ, разсуждая о droit du travail, представилъ смѣшное зрѣлище,—одно пустозвонство!

Хороши проповѣди и отца Анфантена въ Египтѣ.

Читаешь Жоржъ-Занда, Прудона,—прекрасно, краснорѣчиво, трогательно, и вздохнешь, и задумаешься, и улыбнешься, но въ концѣ концовъ опять спросишь: да что-же это все? Если и не то, что обмія мѣста, а умныя вещи, но безъ приложенія: ничего съ ними не подѣлаешь!

Вспомните извѣстіе о смерти Кабе въ Игаріи, о тѣхъ явленіяхъ, конми отравлены были послѣдніе его дни въ основанныхъ имъ фаланстеніяхъ *).

Вотъ Коссидьеръ такъ благоразумно поступилъ, открывъ винный погребокъ въ Лондонѣ.

Непогому путному въ этомъ отношеніи научаетъ насъ и Америка съ свободою, часто необузданною. Живутъ Американцы вольнѣе, но счастливѣе-ли? Ихъ братоубійственная война представляетъ страшное зрѣлище даже для Стараго свѣта, который прожилъ подольше Новаго, и видѣлъ много всякаго зла на своемъ вѣку.

Болезни, язвы, раны, злоупотребленія общества, увидѣть, описать, легко, и плакать надъ ними также. Во всѣ времена являлись добрые, сострадательные люди и писатели, которые живо чувствовали ихъ, принимали къ сердцу и описывали красно и трогательно. Почитайте хоть одного Руссо: — но лѣкарства то какія и кѣмъ найдены и указаны? Чирья вырѣзаются, по вѣрной, хотя и неблагозвучной русской пословицѣ, а болячки вставляются. Такова исторія многихъ преобразованій въ родѣ нашей замѣны откупной системы акцизною, съ которою народъ спивается до нельзя.

---

*) И Мормонское общество разрушилось въ Америкѣ.